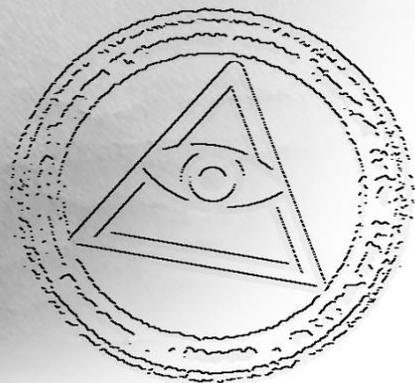
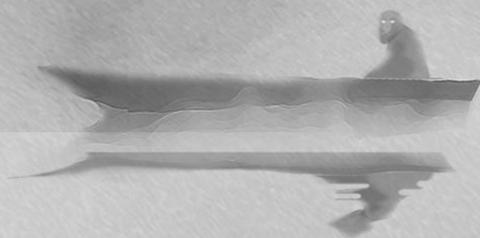

Перемећа участу

Семен Грила

Перемена участи

*«Судьба может измениться,
собственная же природа – никогда».*
Артур Шопенгауэр

«Все есть вода».
Фалес Милетский

Озеро

Вудъявр был Большой и Малый. У людей часто не хватает слов, поэтому и Третья улица Строителей, и Пятая Красноармейская. Это если без идеологии. А если с ней, то пересчитайте количество проспектов Ленина или библиотек имени Маяковского.

Но все-таки Вудъявр – это Вудъявр, и хорошо, что и Большой и Малый, думал Самохин, сидя в лодке. Он не был рыбаком, прикидывался, маскировал тягу к природе. Наверное, поэтому он всегда был с уловом. Не испытывал страсти, и рыба была ему благодарна.

На озера эти он ходил с детства еще с отцом. Потом отец ходить перестал, а Самохин остался. С озерами и рыбалкой один.

Особенно хорошо было осенью ранней, хотя она в этих краях мгновенная. Раз – и уже снег, а вроде вчера еще ходили за морошкой.

Вы, наверное, уже поняли, что Вудъявр – это озеро. Вернее, два. Большой и Малый. Самохин любил большое озеро. Оно было другом.

Он бывал там, как только появлялось время. Оно его успокаивало и придавало смысл его существованию. Как? Он и сам не знал. Но всегда, когда до озера было плохо, после становилось хорошо. Легче делалось вне зависимости от тяжести проблем.

Фабрика

Самохин работал на обогатительной фабрике. Добывал из меньшего дерьма большее. Попутно фабрика засирала все вокруг. Так называемые «хвосты» тянулись километрами, отходы – побочный продукт их производства.

Теоретически продукция его фабрики в конце концов улучшала жизнь, ибо повышала урожайность – из обогащенного концентрата в дальнейшем производились удобрения. Но Самохина это мало утешало. Он видел, что очистные сооружения не справляются. Выбросы случались регулярно. Да и твердые осадки после очистки сточных вод проникали из закрытых прудов в грунтовые воды, а дальше – везде.

Таким образом получался замкнутый круг событий, мешающих Самохину наслаждаться дружбой с Вудъявром. Ему казалось, что озеро знает.

Видения

Самохин никому никогда не рассказывал о главном, что его связывало с озером. Видения.

Он прочитал все, что было написано про Вудъявр, любые газетные заметки, где упоминалось озеро. Никогда никто не упоминал о видениях. Он общался с большим количеством рыбаков начиная с младых лет и никогда не слышал ни от кого о видениях. Получалось, озеро общалось только с ним.

Фантастическая литература много описывала взаимодействие с водой. Начиная с Соляриса и заканчивая им же. А озеро Лох-Несс одно чего стоит.

Он уговаривал себя, что это переработанные впечатления от книг и рассказов выдает подсознание в виде видений. Возможно, но есть одно но: в его памяти на сознательном уровне нет воспоминаний о событиях, которыми его соблазнило озеро.

Видения носили авангардный характер. Они строились как похожие на его воспоминания, но всегда расходились. По содержанию.

Самохин считал это предвидениями, но не мог подтвердить, потому что не было предсказаний на короткой дистанции. Все события происходили в далеком будущем. Или в недалеком, но не у нас. А где-то в другом временном континууме.

Отец

Видения, сновидения или предвидения часто были связаны с отцом. Он являлся Самохину иногда внешне не похожим на себя, но

Самохин как-то узнавал его. И в водосточной трубе, и в каменном утесе, и в облаке, и в космонавте среди прочих стартующих с Венеры.

Все мысли отца всегда сводились к одной. Месседж звучал так: Сережа, не пей воду из колодца.

Тут Самохин видел две проблемы: его звали не Сережа, и он ничего не знал про колодец. Должен это быть какой-то конкретный колодец или любой случайно встреченный?

В остальном отец довольно убедительно рассказывал ему о чувствах водопроводной трубы или про то, как вольно дышится камням на утесе, а уж про свежесть облаков он наслушался досыта.

Отец жалел его и от чего-то предостерегал. Сереженька, будь умницей не совершай моих ошибок. Делай свои.

Эта рекомендация была самая убедительная. Самохин делал свои, и много.

Директор комбината

Начальником Самохина был Петр Фёдорович Порываев. Отличный мужик. Здоровый, шумный и старый. Не в смысле возраста даже, а вот какой-то не сегодняшний. Такой советский человек. Неправильный, но последовательный. Как все они, прямые в своей кривизне. И кривые в своей прямоте. Как партия сковала.

Самохин не раз пытался совестить Петра Фёдоровича, но тот только отмахивался. Не до этого сейчас, Сережа. Почему они называли его Сережей, Самохин не знал. Или знал? Это шло от видений на озере?

Да ладно. Самохин не верил в наваждения. Вот странно, а в видения на озере верил. Ну, мы все любим парадоксы. Даже, скорее, не любим, а ведемся на них. Парадокс удивляет, а удивление скрашивает будни. Ну как-то так.

Короче говоря, оставшись как-то раз за директора, Самохин остановил очистные на профилактику. Замену фильтров и все такое. Пришлось останавливать и флотацию.

Скандал. Директор срочно вернулся из отпуска. Орал страшно. Но не уволил. Хотя владелец настаивал. Порываев отбил. Перевел Самохина в отдел комплектации. А начальнику отдела приказал отправить его в командировку за запчастями в Тюмень. Пока суд да дело, спрятал. Странный человек этот Порываев.

Колорадо-Спрингс

Вот еще странное в видениях Самохина. Навязчивое требование ехать в Колорадо. Ничего не связывало его с этим местом. Он никогда не думал про него. Да говорят, там проводил опыты Тесла. Но чем Большой Вудъявр похож на Колорадо? Наверное, у них столько же общего, как у самого Самохина с Николой Тесла. То есть ничего. И тем не менее.

Самохин мог поклясться, что озеро тащит его куда-то, подсказывает что-то. Он должен это что-то найти. Или сойти с ума.

Золото – вот что может объединять, подумал Самохин. Золотая лихорадка когда-то коснулась Колорадо своим крылом, и на Вудъявре пытались искать золото. Сережа и колодец могут быть связаны с золотодобычей. А полет отца на Венеру? – спросил Самохин себя. Ну, Венера всегда где-то рядом.

Теперь Самохин приезжал на берег озера и пытался искать золото. Звучит безумно и выглядит со стороны также. Мужик у ручья в тазу промывает песок. Но Самохин не унывал. Он не думал. Он просто жил. Видения при этом транслировали: правильно, Сережа, не пей из колодца. И Самохин не пил.

Неожиданность

Странным ответвлением потусторонней жизни Самохина стало открытие им метода увеличения процента извлечения нефелина, чем, собственно, и занимается его фабрика. Но если текущий технологический процесс позволяет извлекать 10 процентов, то новый метод Самохина позволит 50 процентов.

Снизилось это на него во время промывания песка. И выглядело как поиск и нахождение философского камня. Самохин увидел процесс со стороны. Сначала разделение на фракции в зависимости от концентрации, а затем обработка резко увеличенными дозами кислоты. Ну ладно, это трудно не химикам воспринять, учитывая, что и Самохин не был химиком.

Он все записал и пошел к Порываеву. Отдал. Попросил посмотреть. Ушел.

Порываев нашел его через неделю. Обнимал и целовал. Обещал премию и должность.

Самохин посмотрел на него. Порываев отвел глаза и сказал, что поговорит с владельцем.

Владелец предложил Самохину десять миллионов за технологию. Самохин отказался.

Порываев предложил десять миллионов не рублей, сказав, что знает других заинтересованных лиц.

Самохин сказал ему, что он хочет принципиально улучшить работу по очистке сточных вод. Сделать замкнутый цикл. Чтобы вода использовалась многократно, не попадая наружу, в живую природу.

Порываев сказал, что это миллиарды и годы.

Самохин сказал, что готов ждать.

Порываев покрутил у виска.

Решение

Самохина давно на комбинате не видели. Кто говорил, что он спился, кто говорил, что уехал работать в Сибирь. Там внедряют что-то, но что и где, никто толком не знал.

Знал Порываев. Про технологию. Про ее внедрение. Он продал ее японцам. Уж непонятно как. А они теперь внедряли технологию, построив под нее комбинат в Сибири. Вернее, построили ее местные предприниматели на кредит, а технологию получили по лицензионному соглашению.

Это все мог рассказать Порываев, если бы пару лет назад не вышел с балкона девятнадцатого этажа дома в Дубае.

Самохин же ничего этого не знал. Он жил на озере. К нему редко кто приходил, вернее, проходил мимо. Самохин изредка ездил за продуктами на доставшемся еще от отца мотоцикле «Урал», этой мечте всех рыбаков, и удивлялся переменам, которые он ощущал от мимолетного общения во время случайных встреч. Вернее, растущей пропасти между ним и остальными. Одичал, наверное, или сидения действовали на психику человека как-то иначе, чем телевизор.

В общем, он стал иным. И это иное самого его превратило в видение. Озеро показывало ему, какой бы могла быть его жизнь, если бы да кабы. Самохин грустил, глядя на возможные альтернативы.

Иногда приходили рыбаки. Он жил в избушке, которую построили энтузиасты во времена его отца. Там оставляли спички и консервы. Можно было переждать непогоду или собраться с силами. Но от рыбаков мало что поймешь, рыбная ловля – это молчание, и этим и ценится. Посидеть и помолчать.

А однажды ему явился Порываев. И опять покрутил у виска. Самохин в ответ пожал плечами.